

Михаил ШАЛАМОВ

ЭСТАФЕТА

Фантастический рассказ

Ковалю было странно, что он все-таки выжил и даже не потерял сознания. Он выбрался из кучи обломков и заскрежетал зубами от боли в боку. Морщась, задрал куртку, осторожно потрогал свисающий лоскут кожи. Рана выглядела страшно, но

Художник Анатолий ГУСЕВ.

была неопасная. Он это знал. Пошатываясь, подошел к двери. Очень боялся, что переборку заклинило. Тогда без посторонней помощи отсюда не выбраться. А если с Юханом что-нибудь случилось... Очень весело остаться вечным пленником корабельной рубки!

Дверь сработала, открыв выход в коридор, залитый спокойным голубоватым светом. Похоже, что энергосистема корабля выдержала.

Он свернул к жилым каютам и чуть не споткнулся о неподвижный корпус робота сопровождения. Они с Юханом прозвали робота Гастоном. У него был покладистый, но чуть нудноватый характер. Теперь он полулежал у стены, проткнутый штырем, уродливо торчавшим из развороченного приборного щитка. Из черной дыры толчками выплескивалась струйка светло-голубой жидкости. Было ясно: Гастону больше не подняться.

Снова волной нахлынуло беспокойство. Как там Юхан?

У двери его каюты Коваль остановился. Много раз безрезультатно нажимал он на клавишу замка, потом ударил кулаком по рифленой поверхности двери и выругался. За переборкой было тихо. Нужно что-то делать. Дверь была гильотинной конструкции. В случае аварии она обеспечивала полную герметизацию отсека, но в запертом положении не закреплялась. Упершись ладонями в ее поверхность, Коваль медленно начал отжимать ее вверх. Поднял, подставил колено, потом плечо и, извернувшись, прополз под нею в каюту. Потерявшая опору дверь снова рухнула вниз, бесшумно и мощно.

Комната была пуста. Коваль вздохнул с облегчением. Черт знает что мерещилось ему, когда он стоял перед закрытой дверью. Но если все хорошо, почему же Юхан до сих пор не дал о себе знать? Колупнул в щитке отверткой. Переборка поднялась. Он снова вышел в коридор, пошел разыскивать штурмана.

Юхан лежал в лаборатории, придавленный электронным микроскопом. Похоже, в момент аварии он снова возился с загадкой квазиметеоритного вещества.

Коваль вытащил штурмана из-под никелированной громады микроскопа. Кажется, жив. Дышит, родимый!

Робот-тележка для внутрикорабельных перевозок приплыл по первому зову. Стас погрузил на платформу обмякшее тело и погнал тележку к медицинскому отсеку. Робот легко скользил на воздушной подушке.

Бесшумно распахнулись двери медотсека. Коваль остался снаружи. Через минуту безжалостные кибермедики выгнали оттуда и тележку. Вместе с роботом вырвалось прозрачное, но не менее от этого вонючее облачко дезинфицирующего амикророла.

Коваль некоторое время смотрел, дыша на прозрачный пластик, как клешнястые манипуляторы укладывали на стол голое, пятнистое от кровоподтеков тело штурмана. Потом иллюминатор затуманился, отрезав от Коваля белоснежный мир реаниматорской.

Он вернулся в рубку и, сев перед пультом, несколько минут тупо смотрел в молочную глубину экрана. Потом маши-

нально нажал клавишу, и в рубку вплеснулся аквамаринный бетианский океан. Он навалился всеми своими бесконечными отмелями, ослепил сверканием чешуи бесчисленных стай летучей морской мелочи, оглушил гортанными воплями поморников. Белокрылые охотники камнем падали в самое сердце рыбьих стай и взлетали ввысь, с добычей в щупальцах. Вот ты какая, Бета!

Имя этой планеты не отличалось оригинальностью. Альфа, Бета, Гамма и так далее — обычно называли астронавты планеты новых звездных систем. У этой звезды их было три: Альфа, Бета и Лавиния, на которой нашла себе пристанище исследовательская группа Ивана Никонова. Именно туда, на Лавинию, и держал курс танкер «Камертон» с грузом «солнечного вина», как называли колонисты жидкость-заправку для фотонных двигателей. На Лавинии сейчас шло интенсивное строительство, и группа Никонова считала дни до прилета «Камертона». А он то ли по вине компьютера, то ли просто по зловредному стечению обстоятельств, вместо того чтобы продолжать путь туда, где его ждали колонисты, валялся теперь на отмели теплого бетианского океана, под бешеным здешним солнцем.

«Не надо отчаиваться, мастер, — говорил себе Коваль, — экипаж жив, а это главное. Груз цел. У группы Никонова есть планетолет. Нас спасут. Надо только добраться до маяка. Ты же знаешь, мастер, на Бете есть маяк. И на Альфе есть маяк. И в поясе астероидов есть маяки группы Никонова. А мы, мастер, с тобой не лыком шиты. Мы дойдем, мастер! Землю будем грызть, а дойдем».

* * *

— Я выхожу послезавтра, Ю!

Штурман приподнялся на локте.

— Ты сдурел, да? — сказал он тихо. И снова опустил голову на подушку. — Ты же не дойдешь один... Вот подожди, я встану... я очень скоро встану, Стас... Исправим рацию... Ведь можно же ее, проклятую, исправить!

— Нельзя, Юхан, ее исправить! И ждать нельзя, пока ты поднимешься. С сотрясением мозга не шутят, Ю. Пойду. Люди ждут. А ты, штурман, поправляйся! Киберы не дадут тебя в обиду...

Коваль встал. Он увидел, что светлые глаза Юхана посерели.

— Тебе не дойти одному, Стас!

— Ты же знаешь, Гастона больше нет. Я вошью себе матрицу и дойду.

— Нет, ты не сделаешь этого!

— Сделаю, — криво улыбнулся Коваль и кивнул киберу, чтобы тот сделал Юхану укол снотворного. А пока штурман отбивался от нежно обвивших его пластмассовых лап, добавил:

— Так надо, Ю! До маяка почти полтысячи километров по джунглям. Без матрицы мне не дойти. Ты ведь знаешь, что это за планета.

Про Бету им обоим было известно многое. Расположенная к светилу ближе, чем холодная Лавиния, полная молодой бур-

лящей жизни, Бета с первых минут привлекла поселенцев своей безмятежной и безжалостной красотой. И с такой же равнодушной безжалостностью она выжила их через три года с насиженных мест на суровую, но безобидную Лавинию. Даже в том, что вопреки правилам этой планеты не было присвоено имя и она осталась в документах стандартной безликой Бетой, виделся землянам перст судьбы.

Стасу вспомнились строки из последнего письма геолога Шубникова, опубликованного тогда в «Вестнике Земли»:

«...Я все думаю, Наденька, была ли в двухвековой истории покорения звезд другая такая же планета, столь жадная до жизни и настолько к ней равнодушная, как эта? Пожалуй, была. Только не ищи ее в справочниках. Эту планету придумали еще в середине двадцатого. Читай классику, Наденька! В книге все иное, и все такое же, как на Бете. Только в отличие от той планеты Бета нам еще не по зубам...».

В свое время эти строки вызвали на Земле повальное увлечение старой фантастикой трех прошедших веков, в которой искали ответ на вопросы, вставшие тогда перед группой Никонова. Но решение оказалось самым неутешительным: эвакуация.

Коваль изучал на фотокарте свою будущую трассу, когда зуммер радифона на запястье доложил о готовности кибермедиков к операции. Значит, малый аварийный компьютер уже выморожен из ледопласта, и его «чтец-приставка» готов к работе. Стас вошел в медицинский отсек, стоически перенес все дезинфекционные издевательства и, надев на голову уродливый клобук «чтеца», лег на операционный стол.

— Один, два, три... — мысленно вел он отсчет секундам. На счете «десять» в ноздри ударила упругая струя дурманящего карамельной сладостью газа, и вязкая тьма затопила его мозг.

* * *

Туго натянутая кожа между ключицами, где была вживлена трансферматрица, глухо ныла. Хотелось прикоснуться к пластырю. Стас усилием воли удержал свою, уже поднявшуюся руку. Мудрая штука эти биопластики! Еще четверть века назад вживление электродов и матрицы заняло бы больше недели. А теперь хода назад нет. Прощай, Юхан. Когда я уйду, тебя разбудят автоматы. И не вздумай жалеть меня!

Это смешно даже представить: одолеть в одиночку полтысячи километров на слабосильном роботе-тележке, которого используют только для мелких внутрикорабельных перевозок. Но что поделаешь, если танкеру по чину не полагается иметь на борту десантного «сверчка»? Ведь ты же меня не подведешь, а, Тележка?

Робот бесшумно тронулся с места и, тяжеловато вспорхнув, спланировал из открытого люка на сверкающую водную гладь. За краткое мгновение полета Стас снова успел удивиться красоте моря и неба, разделенных лишь тонкой черточкой горизонта. Стас кинул взгляд на карту. До берега шестьдесят кило-

метров по мелководью беатинского океана. К полудню одо-
леем!

Робот шел над водами в приличном для такого тихони, как он, темпе. «Если так пойдет и дальше, успею к берегу и до одиннадцати! — подумал Коваль. — Хотя, впрочем, какая разница, часом раньше или часом позже, если впереди многодневный маршрут! Здесь-то, над водой, можно чувствовать себя в относительной безопасности. Но вот когда начнутся джунгли...»

— Мастер, впереди опасность! — скрипуче выдавил из себя фразу робот.

Коваль уставился вперед. Что за опасность? Откуда ее ждать? Из воды, с неба? Горизонт с акваторией тихи и безоблачны. На небе ни облачка, на воде ни пятнышка. И все-таки угроза...

Коваль вдруг пожалел, что вот так, безоглядно, снова доверил свою жизнь туповатому киберу, как прежде безопасность корабля компьютеру. Правильно ругало его начальство за то, что он людям доверяет меньше, чем роботам. И действительно, Стас любил киберов за безоговорочное подчинение, за строгую логику машинного интеллекта. Именно поэтому, наверное, ему было трудно с людьми. Хотя и машины всякие бывают. Совсем неожиданно всплыл в его памяти образ робота, с которым познакомил его однажды старый приятель и однокашник Иштван Запа. Иштван был одержим идеей максимальной индивидуализации мыслящих систем. Киберы, которых он программировал, все до одного были личностями. Каждый со своим характером, со своим «я». Робот сопровождения по имени Брудершафт тогда произвел на Стаса сильное впечатление и... не понравился. Стас понял, что это уже не машина в том смысле, в котором принято понимать это слово. И только теперь пожалел он, что рядом с ним нет такого спутника, как Брудершафт, с которым, как говорили предки, «можно в разведку пойти...».

Наконец угрозу заметил и Стас. Она таилась между небом и землей. В теплом воздухе дрожали тончайшие нити, вертикальные и почти прозрачные. Если бы солнечный зайчик не сорвался с одной из них, не упал на лицо шкипера, зверь остался бы незамеченным. Медлить было нельзя. Коваль вскинул один из двух взятых в дорогу бластеров и полоснул по занавеси нитей. Энергетический заряд мгновенно расплавил их, спек в бесформенный ком и бросил в море. Вода мощно закипела, и Стас, оглянувшись, долго еще видел, как корчится всплывшее на поверхность длинное рыхлое тело.

Астронавт нагнулся и подобрал с пола Тележки короткий, оплавленный на конце волос. Волос-щупальце был усеян длинными полыми щипами. Коваль попытался его разорвать, но с таким же успехом можно было попробовать на разрыв стальную проволоку.

До полудня бластер пришлось применять еще трижды. Потом кончилось море, и Коваль оказался в самом сердце мангровых зарослей. Тележка с трудом топтала воздушной подушкой упругие стебли растений, а из-под уродливых корней тележку обстреливали обкатанной морем галькой пухлые, как

надувные матрацы, тритоны-канониры. Один, довольно большой камень, серьезно повредил фотоэлемент робота. Потом кончились и мангры. Теперь, над земной твердью, нужно было вести себя вдвое осмотрительнее.

Тележка быстро пересекла узкую полоску пылевого пляжа и, подмяв под себя первые пучки бетуанской травы, поплыла по обширной луговине, кое-где подернутой паутиной хорошо протоптанных звериных тропок. Самих зверей пока видно не было. Но вот появились и они. Как ни странно, это оказалось семейство реликтовых ходоков, фото которых в свое время так поразило Ковалю, тогда еще зеленого самоуверенного гардемарина.

Ходоки, не обращая ни малейшего внимания на Тележку, чинно шли по тропинке, топоча аккуратными желтыми лапоточками. У заднего, самого маленького, развязалась и тащилась по земле пушистая онуча. Он так потешно спотыкался, подпрыгивал и оглядывался на преследователей смысленными глазенками на стебельках, что Стас не смог сдержать смеха. И зря. Ходок разобиделся, надулся, поднатужился и пустил прямо в астронавта струю едкой вонючей жидкости. Коваль успел увернуться, но несколько капель все-таки попали на кожу и обожгли до волдырей.

— Спасибо за урок! — сказал Стас вслед такой безобидной на вид зверюшке. — Впредь будем осторожнее.

Предосторожность оказалась нелишней. На опушке близких уже джунглей маячила пара гигантских богомолов. Жуткие, высотой с трехэтажный дом зверюги представляли серьезную опасность. Стас приказал Тележке остановиться и начал наблюдать за богомолами. Один из них, побольше, стоял раскорякой на солнцепеке и урчал от удовольствия, а другой длинными шипастыми лапами пытался достать из кроны дерева огромного щетинистого паука, который огрызался и швырял во врага клейкие комья паутины. Наконец богомолу удалось схватить паука за ногу, и чудовищная парочка приступила к трапезе.

После двухчасового мотания вдоль опушки над кучей золы, бывшей только что хищным деревом, Стас был вынужден признаться себе, что все это время занимался самообманом и что бесполезно искать просеку в этом месиве растительной плоти. Пришла минута расставания с Тележкой.

Он сел, свесив ноги в траву, подпернул за голенища высокие сапоги и, похлопав робота по могучему торсу, спрыгнул. Из-под ног его шарахнулась с писком потревоженная мезозга.

— Иди домой, Тележка, — грустно сказал Стас, — передай Юхану привет!

Робот молча повернулся и поплыл назад вдоль опушки. А когда он скрылся из виду, Стас слишком поздно сообразил, что Юхану больно будет видеть Тележку пустой. Но изменить уже ничего было нельзя.

И еще одно понял Стас: он остался в одиночестве. Пытаясь насвистывать мотивчик веселой песенки, с бластером в одной руке и с мачете в другой он боком втиснулся в заросли.

Зорро уже полдня шел по пятам за двуногим. Непривычный запах этого зверя будил в Зорро два чувства: любопытство и желание сожрать. Он был могучим зверем и мог себе позволить жрать только то, что сожрать хотелось. А двуногий был именно тем, что хотелось сожрать.

Зорро умел долго и методично преследовать добычу, мог часами подкарауливать в зарослях, но сегодня любопытство брало верх, и ему хотелось сначала просто понаблюдать за повадками двуногого, а сожрать его потом, когда проголодается по-настоящему.

Зорро обрадовался, когда двуногий подпалил муравьиную кучу. Он закидал пламя влажными от сока ветками и, урча, начал выкатывать из угольев крупных жареных муравьев.

Зверю даже расхотелось жрать двуногого. Бродить бы за ним и подъедать жаркое из обугленных муравейников. Жареных муравьев Зорро обожал. А двуногий, видимо, нет. Ведь он не съел ни одного, только поджарил их для Зорро. А ведь неплохо бы... Не надо искать острые камни, не надо стучать ими друг о друга у подножия муравейника, не надо раздувать огонь, искры которого так и норовят кольнуть тебя в глаз. Надо только идти вслед за двуногим и жрать то, что он готовит.

Но не делать этого у Зорро было три причины: во-первых, двуногий — сильный зверь. Если бы хотел, он давно бы уже поджарил своего преследователя. Во-вторых, Зорро все-таки очень хотелось сожрать двуногого, а он не привык отказывать себе ни в чем. И, в-третьих, двуногий все равно шел к логову Аяллы, а Зорро не намерен был отдавать ей свою добычу. Аялла была уже близко, и тем более следовало торопиться.

Коваль вогнал мачете в трухлявый ствол поваленного дерева. Сел рядом. Потом, не выпуская из левой руки бластер, достал из сумки тюбик со сгущенной водой. Утолив жажду, он выдавил немного прохладной массы на ладонь и протер изъеденное мошкой лицо. «Покажись я в таком виде в Управлении, не узнали бы», — устало подумал он, чувствуя под пальцами вздувшуюся бугристую кожу.

Сумка была уже на плече, а мачете в руках, когда бесшумная желтая тень, выросшая за спиной, обхватила Ковалья поперек груди мощной лапой. Он вскрикнул и ткнул себе за спину мачете. Оно уперлось во что-то твердое и, лязгнув, сломалось. В ту же секунду Стас почувствовал, что когти мягко вошли между ребер. Джунгли рухнули ему на голову.

Очнулся от боли. Нестерпимо саднило между ключицами. Захотелось потрогать. Он поднялся на ноги тяжело и трудно. Потянулся рукой. Но в поле зрения попала знакомая жуткая лапа. Коваль попробовал оттолкнуть ее, и другая такая же желтая когтистая лапа вошла в поле зрения слева. Потом он увидел под ногами собственный, растерзанный труп и понял, что неизбежное свершилось.

Опустившись на четвереньки и, волоча за ремень бластер, хозяин бетианских джунглей Зорро пошел в чащобу.

Начался второй этап жестокой эстафеты.

Зорро был упрямым зверем. Ковалю было с ним нелегко. Ему то хотелось залезть на дерево, чтобы вволю поохотиться на лемунов, то обсосать ягодный куст, то выудить из речки волосатую змею. Однажды зверь учуял в буреломе след самки, и Ковалю стоило огромных трудов удержать его на трассе.

Особенно плохо было, когда Стас засыпал или терял сознание. Тогда разум зверя начинал доминировать, и Зорро куролесил в свое удовольствие. И все-таки астронавт неожиданно для себя стал уважать его за силу и упорство, с каким он шел по джунглям.

Коваль удивился тому, с какой легкостью Зорро выучился обращаться с бластером и с каким мастерством сразил однажды на поляне крупного травоядного, так отрегулировав мощность, чтобы не сжечь, а только заживо поджарить тушу. Это было тем более удивительно, что Коваль в эти его действия не вмещивался. Похоже было, что Зорро если не разумное, то, во всяком случае, полумозгущее существо.

Бластер мог послужить прекрасным испытанием на разумность, если бы Зорро следующим утром не утопил его при форсировании глубокой медленной реки.

* * *

Из зарослей метнулось пятнистое тело, сотканное, казалось, только из острых клыков и прыжка. Зорро сшиб его лапой, и зверь покотился по траве, шипя и булькая вырывавшейся из разорванной глотки кровью. Зорро ушел не оглядываясь. «Тигра. Не едят», — мысленно сообщил, он Стасу. Они уже привыкли и не чуждались общества друг друга. Ковалю определенно повезло, что именно этот зверь настиг его первым.

Они шли все выше и выше по склону, поросшему частым кустарником. Зорро томился от палящего солнца. Зверю раньше не приходилось выходить из джунглей под прямые лучи светила, и теперь он чувствовал, что густая шерсть не спасает его от перегрева. Именно поэтому с таким нетерпением кинулся он в пронзительно холодный горный ручей. Потом, освеженный его ледяными струями, закусив счастливо подвернувшейся водяной змеей, Зорро разнежился на берегу. Дремота сморила Зорро. А Коваль... Коваль проворонил приближение опасности.

Когда зверь открыл глаза, эта гадость была уже рядом. Мохнатое тело размером со средний арбуз напоминало то ли печной горшок, то ли окарикатуренную мортиру, подползавшую к Зорро на шести вывороченных коротких лапах. Дюжина мелких глазок вокруг зияющего жерла недобро горела синим.

Зорро с удивлением и любопытством уставился на пришельца. Коваль понял, что пути этих бетианских зверей никогда не пересекались. Втянув ноздрями пряный запах мортиры, Зорро заурчал и шагнул к страшилищу. В нем снова проснулось желание сожрать. А Ковалю пришелец был инстинктивно неприятен.

тен. В нем чудился какой-то подвох. Но ни на окрики, ни на уговоры Зорро не реагировал.

Мортира вела себя нагло. Она бесстрашно таращилась на Зорро немигающими глазками и ждала чего-то.

Потом Коваль почувствовал сильный толчок в плечо. Брошенный на мортиру взгляд сразу выявил виновника. Из широкого жерла валил вонючий пар.

Зорро разозлился, прыгнул на ловко увернувшегося обидчика, цапнул когтями воздух и покатился кубарем вниз по склону, ревя от обиды, досады и боли.

Час спустя в холодном скальном убежище он зализывал свою рану. Это было небольшое рваное отверстие, как раз между костяными бляшками на плече. Из раны уже не сочилась кровь, но лапа сильно распухла и ворочалась с трудом.

Лизнув в очередной раз, Зорро почувствовал на языке вкус какого-то едкого вещества. Скосив глаза, зверь взглянул на рану. Оттуда медленно выползала коричневая пена. Зорро удивился, слизнул пену и взвыл от дикого жжения во рту. Шли минуты, а пена все валила и валила из раны. Коваль с ужасом увидел, что дырка увеличивается. К вечеру она стала такой величины, что в нее вошел бы человеческий кулак. Зорро больше не рычал и не метался. Он лежал под скалой и тихо стонал. Ни он, ни Коваль не заметили, откуда взялся знакомый зверь-мортира. Он бродил поодаль, выжидая. Но, по мере того как Зорро слабел, хищник начал сужать круги.

Коваль чувствовал себя как в тюрьме внутри этого слабеющего с каждой минутой тела. Переселиться в зверя-мортиру значило надолго сойти с маршрута. Короткие кривые ножки его не были приспособлены для долгой ходьбы, а смертельных врагов у него, похоже, не было, и ждать очередного «переселения разума» пришлось бы долго.

Стас заставил Зорро подняться. Зверь, кряхтя, подчинился железной воле человека и двинулся вперед, ковыляя на трех ногах. Четвертая лапа болталась бесполезным придатком. В ней под толстой шкурой не было уже ни мышц, ни костей, только лениво переливалось что-то жидкое. Но и боли уже не было. Только слабость.

Изредка оглядываясь, Стас видел, что мортира ковыляет следом, метрах в сорока, как и раньше, не приближаясь. К счастью, идти пришлось недалеко. Среди выветренных, обсосанных ветрами столбов-останцев Стас заметил один, необычной формы. Это была невысокая, в человеческий рост, П-образная арка, а точнее, три ничем не соединенных друг с другом камня, причудливо выпиленных ветром. Подножие их окружали густые колючие кусты. О лучшем Коваль и не помышлял. Кусты с трех сторон загородят мортире дорогу.

Зорро, кряхтя, прополз под аркой и заворочался в кустах, устраиваясь поудобнее. Сквозь просветы в зарослях Стас увидел, как занервничала мортира, зашустрила вокруг кустов, отыскивая лазейку. Потом она остановилась перед аркой, вглядываясь в проход, который промял своим телом Зорро.

Соблазняя хищника, Стас высунул из арки загубленную лапу. Она безжизненно легла поверх смятых веток. Из жерла мортиры закапала мутная слюна. Она сделала первый нерешитель-

ный шажок к добыче, другой — поувереннее... и тогда Коваль — Зорро здоровой лапой обрушил на нее верхний базальтовый монолит.

Коваль увидел, как заскребли кремнистую почву, задергались торчащие из-под глыбы кривые ножки. Потом астронавт заметил, что один из столбов, потеряв привычную опору, начинает крениться на Зорро. Стас даже не попробовал отодвинуться. «Пусть так, только бы не мортира... Должны же быть здесь хоть какие-то стервятники!» — успел подумать он, прежде чем тяжелый каменный столб опрокинулся на него.

* * *

Стас очнулся и сразу понял, что сидит на втором, уцелевшем столбе. Внизу, полуприкрытая камнем, лежала бесформенная туша Зорро. На ней копошились две крылатые твари, отпихивая друг друга сизыми кожистыми крыльями и хрипло крича. Стервятники. Коваль разглядел их губастые упырьи рожи и членистые лапы с сильными клешнями, которыми они с легкостью резали толстую шкуру зверя. Астронавта передернуло от мысли, что он сейчас представляет собой точно такое же зрелище. Он расправил крылья и неуклюже взлетел. Уже в первые минуты понял, что новое тело подчиняется ему полностью. От индивидуальности стервятника не осталось и следа. Сделав прощальный круг над последним пристанищем Зорро, Стас взял курс на восход солнца.

Стервятник был неважным летуном. Зато он мог подниматься над горами и долго планировать, экономя силы. «Сам себе я теперь дельтаплан», — невесело шутил в эти минуты Стас. Но вскоре он привык к новому телу и от всей души упивался полетом.

Но уже на следующий день возникла проблема пищи. Конечно, Стас не раз видел на земле падаля, но надо ли говорить, что аппетита она в нем не возбуждала. А есть хотелось нестерпимо. Коваль попробовал охотиться, но для этого неуклюжее тело стервятника не было приспособлено. Каждый раз добыче удавалось скрыться.

И тогда Стас сплеховал. Он заметил в редкой кроне разлапистого дерева среди лиловых цветов несколько невиданных еще им не очень крупных тварей, спланировал на них, схватил... и понял, что оказался в ловушке.

Животные ворочались в липкой слизи на толстых ветках дерева, словно мухи в липучке, наматывая на прозрачные свои крылья толстые нити клейкого сока. Коваль попытался взлететь, но почувствовал мертвую хватку дерева. Огромным усилием воли Стас сумел побороть в себе инстинкты и не сопротивляться.

Если поразмыслить, его положение было не так уж безнадежно. Его соседям, чьи веретенообразные тела и крылья были густо облеплены слизью, приходилось гораздо хуже. Слизь окутывала и душила их. У Ковалья же в липучку попали только ноги и одно из крыльев.

Решив пожертвовать крылом, он еще плотнее прижал его к коре дерева, с усилием вырвал из плена лапы и поставил их

на шершавую кожу перепонки. Потом рванулся, прыгнул вниз головой и повис на крыле в десяти метрах от земли. Потом, сжав зубы от боли, резал клешней перепонку. Потом камнем упал вниз.

Он пробовал ползти, волоча за собой обрывок крыла, но болели сломанные ребра, а к липким еще лапам приклеивались кучи всякого мусора. Поэтому он даже обрадовался, когда с высокого, похожего на сосну дерева к нему спустилось пушистое существо с ехидной лисьей мордочкой и осторожно стало приближаться, скаля мелкие острые зубы.

* * *

Снова болело под горлом: Стас чувствовал под кожей холодную опухоль матрицы. То собирая в комок, то с силой распрямляя, Стас бросал свое сильное тренированное тело с дерева на дерево. Тело не знало усталости. Еще ни разу в этой жестокой эстафете он не шел к цели с такой скоростью. Таяли за спиной километры. Коваль замедлял бег только затем, чтобы схватить за крыло какую-нибудь зазевавшуюся птицу, наскоро перекусить и с новыми силами продолжить гонку.

Это был веселый зверь. В его памяти жили образы многочисленных друзей и подруг, с которыми он проводил шумные ночные игрища, увлекательные спортивные охоты, купался в холодных лесных ручьях. Это был умелый зверь, и Ковалю он нравился.

На опушку леса зверь вылетел неожиданно. Ослепленный хлестнувшей по глазам дикой яркостью солнечного света, он прыгнул с разгона на отдельно стоящее сухое дерево... и безжизненно повис, пронзенный длинными шипами лап чудовищного богомола.

* * *

Матрица сидела глубоко под толстым хитиновым панцирем и при движении причиняла тупую сосущую боль. Стас ослабил хватку и выронил из лап тельце зверя. Рыжим безжизненным комком оно упало в траву. Коваль неуклюже шагнул членистыми ногами-ходулями и повернул голову в сторону равнины.

Километрах в пяти от него стояли серые бункера поселка. Через четверть часа гигантский богомол ступил на горячий бетон прокаленной солнцем улицы.

Теплый ветер гнал под ноги струйки легкого песка, тонкого, как пыль, и слегка голубоватого. Шурша, они играли с проросшими сквозь бетон пучками травы, скатывались на обочину и обдували ломкие стволы когда-то заботливо привезенных с Земли, а теперь засохших без хозяйского ухода яблонь. Слепые окна покинутых зданий равнодушно смотрели на Ковалья с двух сторон. Хлопал по ветру большой лоскут пластика, зацепившийся за дверную ручку одного из домов. Решетчатый конус антенны на крыше маяка Стас заметил сразу. Подковылял, с ходу подцепив мощной шипастой лапой, сорвал с петель дверь и, со скрипом нагнувшись, просунул голову в дверной проем.

Через минуту богомол выпрямился и заскрежетал зубами: Стас понял, что его грубым панцирным лапищам не справиться с хрупкой аппаратурой маяка. Неужели все было напрасно: шел, мучился, столько раз умирал... Где найти теперь такого зверя, чтобы справился с громадиной богомолем? Если и есть такой, он, наверное, ростом со слона. Но ведь должен же быть какой-то выход! Не может быть, чтобы не было выхода!

Коваль стоял и думал. Потом он пошел, не оглядываясь, назад, к лесу. В чаще, недалеко от опушки, он нашел дерево пын и, выбрав самый большой из его цветов, блестящий, словно парафиновый, полутораметровый тюльпан, вышел на грань леса и степи. Там, подняв цветок над головой, богомол застыл в охотничьей позе.

Добыча не заставила себя ждать. Громко жужжа, прилетело одно из тех существ, которых Коваль видел в плену у дерева-липучки. Оно зависло в воздухе, пристраиваясь к цветку.

«Щелк», — сработала складная, как циркуль, лапа богомола, и любитель нектара, проткнутый дюжиной шипов, забился в агонии.

Стас с горькой безнадежностью смотрел, как в последний раз дернулось и застыло пестрое тельце. Убил. А надо было поймать живьем!

Он еще раз вернулся в поселок и, подойдя к ближнему бункеру, начал обламывать о бетон шипы на правой лапе. Хитин с хрустом крошился. Из трещин панциря выступали крупные багровые капли. На этот раз осечки не было. Через час в его объятиях билось и громко кричало еще одно такое же существо. Пытаясь держать его как можно осторожнее, Коваль приблизил трепыхающуюся добычу к тому месту на груди, где под слоем хитина лежала матрица, а левой лапой обхватил себя за шею. Резко дернулись мускулы, совпав с толчком выстрелившей в новую цель трансферматрицы. По открытым глазам ударили жесткие метелки степной травы. И — тьма...

* * *

Свет. Море света. Стас летит через это море, часто-часто махая крыльями, несет свое тело к заветной цели, к маяку.

Вот он уже внутри бункера. Ровно горят огоньки на пульте, словно мыши, шуршат по углам пылепоглотители. Неловко пристроившись на вращающемся стуле, Стас слабенькой лапкой своей жмет на белую клавишу связи. В космос летит древняя, как мир, дробь морзянки:

— ЛАВИНИЯ. НИКОНОВУ. «КАМЕРТОН» ПОТЕРПЕЛ АВАРИЮ НА БЕТЕ. ЖДЕМ ПОМОЩИ. ГРУЗ ЦЕЛ. ИЩИТЕ, ИЩИТЕ НАС!

И короткая цепочка координат...

Некому было видеть, как от поселка прилетело и скрылось в джунглях маленькое существо. Ему предстояла долгая дорога назад.